

«Набаре» — с этим словом мы нередко связываем представление в новом легкомысленном, пустом и даже не совсем приличном зрелище. И нельзя не признать, что основания для таких представлений имеются. Ум слишком деградировал этот жанр намеренного, зстрданного и театрального искусства на подмостках многих буржуазных городов. Между тем при союдени своем он был демократичен и астраумен, можно даже сказать, что вызвало его и жизни стийное испрнтие буржуазного образа жизни, буржуазного искусства с его помпозной эстетикой заносливости форм и представлений. На случайно у истоков «набаретного» жанра и за рубежом, и у нас в России стояли многие замечательные деятели искусства, прославившие своими работами в больших и высоких жанрах. Об этом, об интересном явлении русской культурной жизни начала века, рассказывает предлагаемая вниманию читателей статья.

Устроители. В московской «Летучей мыши» актеры разыгрывали маленькие смешные сценки и даже миниатюрные пародийные спектакли, исполняли — часто акс-пронтом — стихи, комичные или лирические песенки, танцы. На одном из сибирский в петербургский «Бродячей собаке» декламировал свои «фурористические» стихи начинающий Владимир Маяковский; центром «Вечера пяти», состоявшегося здесь же, были поэты И. Северин, Д. Бурлюк, В. Каменский, которые на фоне меняющихся декораций читали свои новые произведения. («Нель вечера», — писал осведомленный рецензент, — прозеи министрировать опыт раскрищенного слова». Здесь же устраивались сообщения о современных направлениях искусства, доклады арыались яростными спорами; внезапно дискуссии утихали: начинался занес только что приехавший после спектакля в Мариинском театре Тамары Кирсановой. Под музыку Куперена знаменитая балерина танцевала не на сцене, а прямо среди публики на чаденом, окруженном гирляндами живых цветов, друистве. Шумные споры о литературе волновали зин...

Сближало различные кабаре одно: их создавали художники, литераторы, музыканты, актеры — люди, посвятившие себя искусству. Устроители раличных по стилю, отвлеченных друг от друга на десяти лет и сантиметры кабаре ахловои, ли общие цели: в детском, бедующем мире буржуазной цивилизации они стремились создать свой особый мир искусства, где бы они могли укрыться от убогой меркантильности, лишнего прозябанья современной жизни. Кабаре казалось его созда-

венного содружества, артистического братства. Здесь актер на выходные роли был не менее почитаем, чем «всемирная знаменитость», в репортер вечерней газеты — нахиротке с великим пиалом. Всех уравнивало служение искусству. Навыла свое кабаре» «Привал комедантов», его организаторы заявляли о самом родстве с художниками всех времен и народов: а Мадриде времен Лопе де Вега «Привалом комедантов» именовался квартал, где обитала артистическая брания.

Дух кабаре Художественного театра определяли люди, понимавшие друг друга с полуслова, талантливые, значительные, объединенные служением подлинному искусству. Здесь возникал особый мир, полный скрытой поэзии — поэзии ничем не скованного душевного общения. Оттого, может быть, и веселость их была особенно искренней и пленительной. Ничь мы просидели в «Летучей мыши», — писала Киплер Чехова Лилиндр, — были только свои, чествовали Владимира Ивановича... Из старой гармонии были — Луковский, Московин, Александров, Бурлюков и я — только... Все отгорелось, разошлось, говорили теплые слова, вспоминали Константина Сергеевича, Владимир Иванович асек оделся своим аниманием, со всеми посидел, поговорил, подыпал, был мил, как издавно не видели его, дирижировал оркестром, даже приехал лекции.

Век артистических кабаре был краток. Но следы его не исцели. О первых артистических в литературе художественных кабаре осталась память не только потому, что они были местом отдыха и творческих излостей актеров и литераторов,

# ПРИВАЛ КОМЕДИАНТОВ

Неподалеку от того места, где сейчас находится бассейн «Москва», стоит причудливый дом, похожий не то на средневековый замок, не то на русский терем. Это известный в прошлом аеме в Москве Пердов дом. Он был знаменит не только своей удивительной архитектурой, но только тем, что в его мансардах жили поэты, художники и актеры, но более всего тем, что здесь актеры Московского Художественного театра 29 февраля 1908 года открыли первое русское артистическое кабаре «Летучая мышь». Сюда, в свое кабаре, они съезжались после спектаклей, чтобы отдохнуть, повеселиться в тесном кругу близких друзей.

Для России атея кабаре была новой и необычной. У публики она сразу вызвала жадный интерес. Любопытство усиливала таинственность происходящего в «Летучей мыши». Посторонних в нее не допускали, даже ведущая пресса туда не смогла проникнуть. Слухи один за другим другого драматично воображение и будоражили асю Москву.

Рассказывали, что «московские сцен Юпитера», сам Станиславский, там пляшет с Москвиным и показывает невероятные фокусы, говорили, что величественная Киплер Чехова там танцует легкомысленную шалонетку, а Невмирович Данченко, никогда до этого не державший дирижерской палочки, управляет маленьким мидроизированным оркестром, под который танцуют веселую полку либо бурно-пламенную малуру Алиса Коонен с Качадовым.

Проникший в конце концов на интимные собрания «Летучей мыши» рецензент назвал свою заметку «Шути боги».

Новый жанр яделого остался монополей актеров Художественного театра. Открытие «Летучей мыши», казалось, было давно ожидаемым сигналом. С аякордочной быстротой, словно стремясь наверстать упущенное, кабаре начинают возникать по всей России. В Петербурге Всеволод Мейерхольд вместе с художниками А. Бенуа и М. Добужинским, актерами Александринского театра Ю. Юрьевым, К. Варламовым и другими устраивает кабаре «Лукоморье»; а тот же день, в том же помещении, спустя выш три часа, поаывает свою первую программу кабаре «Кривое зеркало». Всед за «двумя столицами» посещают открывают кабаре Киев и Владимирское, Ростов и Харьков...

«Кабаре вдруг стало значимым временем», — несколько удачно констатировал обозреватель тогдашней театральной жизни. Однако значением времени кабаре стало не аруг. Врунивая волна русских кабаре была частью и продолжением общероссийского кабарежного движения. Но преемственность отнюдь не означала подражания. Елиных правил, обязательных для различных кабаре, не существовало. Стиль и атмосфера каждого кабаре определялись акусом и сложностями их

телиям спасительным оазисом, где на какое-то время между искусством и жизнью исчезли противоречия, где сам быт был пронизан искусством, искусство лишь слегка со жинило. Кабаре было порождением на буржуазной почве романтических антибуржуазных востржений, своеобразным воплощением характерной для художников рубежа века астетической утопии, в основе которой лежала идея о том, что само искусство есть мир, куда нет доступа уродам буржуазной действительности.

«Ухода художников в соизмеренный ним мир осуществлялся часто весьма буквально. Кабаре, как правило, устраивались в подвалах. Узкая, готической формы дверь, десять ступенек, ведущая вниз в подполье (здесь пригиталась «Летучая мышь»), отделяли пристанище актеров от остального мира. Подвалчики ожидали после полуночи. Ночная жизнь, вполне объяснимая (дневные и вечерние часы у актеров заняты), имела еще и свой таинственный, интнй только посвященным смысл. Таинственная ночь, притивстоящая рассудочному, унало прозрачному дню, издана была союющей художников.

Кружась с летучей мышью Среди ночных огней, Узор мы пестрый вышьем На фоне тусклых дней... — полусерьезно полимонично пелось в гимне «Летучей мыши». В покровительстве своим ночным бдениям один художники взяли «черного тона», другие — «черную юбку», третьи — «летучую мышшь» (они были изображены на вывесках кабаре рядом с этими названиями), ночные существа с репутацией весьма сомнительной, как известные людям здравымслящим. «Здравомыслящих» в кабаре не было. Мейерхольдское «Лукоморье» носило еще одно название — «Тихий омут». А в тихом омуте...

В кабаре, куда сходившие служители искусства, все стринилось аыглядеть не так, как в обычной жизни. Здесь все подчеркивало особенность, исключительность мира, соланного для себя творения. Убранство своего пристанища занимались самые лучшие современные художники. Помещение «Летучей мыши» своими руками расписал Н. Сапунов. Фантастические пины и аяклетические цветы переплелись в приотломном орнаменте, покрывавшем стены кабаре от пола до потолка. Интерьер «Бродячей собаки» до мелочей был пролазан С. Судейкиным. Неащенные тяжелые тона, крепко сложенные табулеты (стиль «примитив»), повешенная а тяжелых пеллах и низкому потолку мелкая лостра со свечами придавали кабаре сходство с мастерской художника.

Особую отросту атмосфере придавало рального рода скрытая и явная полемика с протекавшей за стилиями кабаре жизнью. Символической респекти меандского богатства здесь противопоставлялась илы сканность и простота художественного урбанства; социальному неравенству буржуазного мира — демократизм художест-

музыкантов и художников. Значение маяра в эпоху. В атмосфере кабаре происходили поиски путей нового искусства. Они рождались в борьбе с опрешностями художественными формами. Не случайно в кабаре расцветают всевозможные пародии. Так на сцене петербургского «Кривого зеркала» родилась грешившая на асю Россию «Ванюшка, невеста африканская» — опера, абурировавшая все отношения. «Все условности оарявлявшие романтической оперы — от декораций, костюмов, вышешной манеры певцов до либретто», — писал современник, — предстали в пародии а луркомом колашке на смех и поругание миллионным зрителем. «Ванюшка» оказалась могильником старой оперы и дала сильный импульс поиску новых оперных решений.

Если во Франции кабарежное творчество питало новую поэтическую школу, то в России и Германии оно стало одной из экспериментальных лабораторий, где рождались и проверялись приемы и методы нового театра. Вот почему искусство кабаре привлекает таких режиссеров, как Мейерхольд, Вахтангов, Рейнгард, позже — Брехт и Пастернак.

Но, может быть, еще больше кабаре дало новому, ранее неизвестному жанру искусства. Профессинализировавшись, многие кабаре перешли в своеобразные небольшие театрики, в Европе — во всевозможные варьете, хотя их по старой памяти и продолжали называть кабаре, в России — театры миниатюр. Сила устремилась актеры, обладающие оригинальным дарованием, которое не подходило ни современной драме, ни балету, ни опере, ни даже оперетте, но в своем роде талантливые и искусству до своему необходимые. Они по особому умели отразить те едва уловимые, текущие именные черты времени, много которых часто приходит стоа-бовая дорога «большого искусства».

Оригинальность здесь становилась мерилом оларенности. Оттого атмосфера в атих театриках оказывалась чрезвычайно спешивческой. Осгрий гротескный номер сменял трогательно лирический, шепотке сентиментальный — хлесткую буффонаду. Часто все это перемеживалось в одном выступлении одного и того же актера. Безмысленные выступления артистов (беззастенчивость их только кажущаяся, за ней мастерство) были общены прямо к публике, а часто и разворачивались прямо среди публики, каждый зритель мог стать партнером певца, моделью для художника-монументалиста.

Интимность, демократизм и веселая воляность атмосферы первых артистических кабаре были сохранены и вылились в новые формы и направления искусства, которые и сегодня продолжают питать театр и литературу, музыку и астрау.

Л. ТИХВИНСКАЯ.

\* В. И. Невмирович Данченко.